

Боруленков Ю.П. Технологическая структура юридического познания как композиционного элемента правовой системы общества // Юридическая наука и правоохранительная практика. Научно-практический журнал. Тюменский институт повышения квалификации сотрудников МВД России. – 2013. – № 3 (25). – С. 11-20.

Ю.П. Боруленков

заместитель директора

Института повышения квалификации

Следственного комитета России,

кандидат юридических наук, доцент

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЮРИДИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ КАК КОМПОЗИЦИОННОГО ЭЛЕМЕНТА ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ ОБЩЕСТВА

Несомненно, *юридическое познание* [6, с. 52-56; 8, с. 188-192] является центральным композиционным элементом [22] правовой системы общества. Богатство содержания понятия «юридическое познание» определяется сложностью структуры юридической практики [19, с. 226-234], многомерностью юридического процесса, который включает в себя процесс правообразования (правотворчества) и процесс правореализации, последний в свою очередь можно подразделить на юрисдикционный и неюрисдикционный юридические процессы [28, с. 240-295]. Кроме того, перед юридическим познанием стоит задача постижения сложных социальных явлений, например, различных аспектов частной жизни [13].

Юридическое познание можно рассматривать как сложную систему, состоящую из множества элементов и имеющую определённую структуру, что позволяет говорить о технологическом процессе воспроизводства знаний, нацеленном на определённый результат [7, с. 57-73]. Анализ его внутренней структуры даёт возможность глубже и полнее выявить особенности этой деятельности, что, является необходимой предпосылкой и для разрешения проблем его научной организации и управления.

Для любого вида социальной деятельности выделяются такие основные структурные элементы, как цель, объект (предмет), субъект, средства и результат. Данные составляющие можно выделить и в архитектуре юридического познания, учитывая при этом определённую специфику каждого из них, что, впрочем, не позволяет в полной мере раскрыть всю глубину содержания этого понятия. Избыточная идеализация, как правило, произвольно исключает из структуры юридического познания наиболее сложные и наименее изученные иные элементы, их компоненты и отдельные свойства.

С гносеологических позиций любой познавательный акт, в том числе юридическое познание, имеет многомерную структуру, в которой можно выделить четыре слоя: 1) объективную составляющую (реальные процессы, события, структуры, которые служат исходной основой для фиксации познавательного результата); 2) информационную

составляющую (информационные посредники, обеспечивающие передачу информации от источника к приемнику – средству фиксации); 3) практическую детерминацию факта (обусловленность существующими в данную эпоху качественными и количественными возможностями наблюдения, измерения, эксперимента); 4) когнитивную детерминацию познавательного акта (зависимость способов фиксации и интерпретации от системы исходных абстракций теории, теоретических схем, психологических установок и т.п.) [27, с. 126].

Возможны и иные подходы к структурированию юридического познания. Например, в представлениях об отражении объективной реальности выделяется несколько форм познания: 1) формирование идеальных образов знаний о предметах; 2) эмоциональной в виде специфического личностного отношения (эмоции, переживания); 3) отражение в форме сознательных предметных действий [16, с. 67].

Ещё в середине XIX века А.С. Жиряев писал о трёх возможных для суда способах познания: чувственном воззрении на сам предмет убеждения; умственном в него проникновении через указующие обстоятельства; восприятию или усвоению чужих убеждений. К первому относил редкие случаи непосредственного наблюдения судьей какого-либо обстоятельства, ко второму – доказательство посредством улики и к третьему – доказательство посредством показаний и удостоверений третьих лиц [17, с. 28, 31].

Многомерность, объёмность технологической структуры юридического познания достаточно ярко проявляется при разграничении понятий «юридическое познание» и «доказывание» в юрисдикционном процессе. По нашему мнению, юридическое познание нельзя рассматривать в целом как сквозной процесс накопления знаний некоего единого виртуального субъекта, осуществляющего познание в рамках юридического процесса от начальной и до конечной стадии. Каждый из субъектов осуществляет познание в рамках своих специфических функций и полномочий.

В равной степени это относится и к доказыванию, которое мы определяем как *деятельность по обоснованию сторонами утверждений* [7, с. 104-126]. В самом понятии «доказывание» заключено положение о том, что одно лицо, убеждённое в истинности события, обстоятельства, предлагает другому лицу определённым образом собранные данные с целью формирования у него аналогичного мнения. И если для определения сущности юридического познания конкретного вида субъекта главную роль играют функции и полномочия, то для доказывания – функции и интерес [30, с. 12-18]. В этом контексте можно утверждать: «Доказывание – не познание, оно для познания» [23, с. 134].

В содержательном плане понятия «юридическое познание» и «доказывание» не только не совпадают, но могут и не пересекаться. При одинаковых объёмах сведений, полученных в процессе юридического познания, стороны по-разному оценивают их, поскольку юридический

процесс – всегда спор. Более того, нередко субъекты, находящиеся на одной процессуальной стороне, движимые личными интересами, дают различную интерпретацию тем или иным установленным фактам.

Следует заметить, что для ряда субъектов доказывания (например, защитника подсудимого, представителя гражданского истца) интерпретация установленных обстоятельств в процессе доказывания зависит от интереса иных субъектов (подсудимого, гражданского истца), независимо от собственной оценки обстоятельств дела.

В юридической деятельности толкованию правовых норм, на основе которых компетентный орган принимает решение, предшествует юридически значимая *интерпретация* событий, составляющих фабулу дела. Действия и операции на стадии установления фактических обстоятельств направлены на воссоздание объективной картины социально-правового казуса, который необходимо разрешить путём вынесения решения. В юридическом познании интерпретации подвержены фактические обстоятельства, поведение и высказывания людей, имеющие юридическое значение. Интерпретация, включающая в себя отдельные приёмы эвристического мышления, рефлексии, внутреннего диалога и т.д. позволяет проникнуть внутрь исследуемой личности, того или иного, в том числе и социального, явления. Этот процесс носит субъективный характер, связанный с неповторимостью индивидуального правосознания конкретного интерпретатора (уровень правосознания, наличие деформаций правосознания, знания, опыт, профессионализм и др.). Говоря о субъектном аспекте информации в юридическом познании, мы приходим к выводу, что информация о юридическом событии имеет субъективную природу, поскольку является разновидностью актуальной информации. Говоря о субъективном характере процессуальных средств познания, мы в первую очередь подразумеваем интерпретативные способности субъекта создавать информацию с привлечением собственного сознания [31, с. 23]. Можно утверждать, что ретрансляционная интерпретация в определённом смысле является свойством *процессуальных доказательств*.

Интерпретация не является объективной и нейтральной. Идеализированное представление классического правоведения о судье как доброжелательном и нейтральном арбитре, при помощи сторон, устанавливающего истинный смысл правового явления, неверно. Право не может существовать в отсутствие идеологического, ценностного выбора толкователя и тех, кому он адресует интерпретацию. Ценностные суждения интерпретатора, или языковой опыт, контекст толкования вплетены в процесс интерпретации. Не существует момента, когда бы была невозможна новая интерпретация («герменевтический круг») [1, с. 46]. Интерпретация объекта всегда носит гипотетический характер и может быть пересмотрена.

В данном контексте интерпретацию следует классифицировать на внешнюю и внутреннюю. Внешняя интерпретация направлена на обслуживание доказывания другим субъектам юридического познания, а

внутренняя – решение собственных гносеологических задач.

При этом с информационно-гносеологической точки зрения технологическую цепочку юридической интерпретации мы представляем следующим образом: объект (информация) → гносеологическая ретрансляционная интерпретация (внутренняя) → субъект (понимание <=> объяснение) → коммуникативная интерпретация (внешняя) → иной субъект (понимание <=> объяснение) → окончательная интерпретация = информационный продукт (результат) [10].

Как само познание, так и учения о нём насыщены необычными феноменами – виртуальными объектами, которые продуцируются не только электронными системами, что чаще всего становятся предметом внимания, но также взаимодействием человека с другими людьми в коммуникации, в разных формах текстового и иных диалогов. Представляется, что определённого рода целостные, относительно самостоятельные структуры юридического знания, существование и функционирование которых зафиксировано и проверено временем, могут рассматриваться как своего рода виртуальные объекты, реальность которых имеет особую природу.

Это идеальные конструкты, созданные разумом, принятые сообществом и затем обретшие самостоятельный легитимный статус нормативных и инструментальных сущностей, предписывающих направления и формы познавательной активности в юридической деятельности.

В ретроспективном познании, коим является юридическое познание, понятие «факт» не отождествляется с событием, поскольку факт – не просто событие, существующее вне субъекта, но такое событие, которое отражается в сознании субъекта и именно поэтому для него является фактом [12, с. 188; 18, с. 170; 35, с. 139]. В принципе, юридический факт есть образ события (обстоятельства) реальной действительности, сформировавшийся у субъектов познания [11].

Известно, что существуют парадоксы и противоречия традиционной теории познания, в частности отождествление познания с субъектно-объектными отношениями, субъекта – с «сознанием вообще» как с гарантом объективности знания. Возникла необходимость преодоления парадигмы «теория познания как теория отражения», необходимость осознания несводимости познавательной деятельности к отражательным процедурам, потребность разработать такие представления о чувственном познании, которые учитывают единство образного и знакового, отражательного и интерпретирующего моментов. Особая проблема – неосознанные и бессознательные компоненты познавательной деятельности и личностное неявное знание субъекта, природа и способы введения которых в когнитивный процесс требуют учёта и герменевтического опыта [26, с. 45].

Юридическое познание представляет собой сложный процесс движения от незнания к знанию, от вероятного к достоверному, где

каждый шаг подчинен мысли, а сама мысль рождается из действия и объективируется при его помощи. Составляющие такой процесс действия и отношения разнообразны, и при всей своей взаимосвязи они могут быть сгруппированы в отдельные, относительно самостоятельные этапы и элементы, важные для аналитического изучения внутреннего содержания юридического познания.

Этапы юридического познания связаны с описанием внешнего пути и результатов познания и необходимы для выделения наиболее значимых периодов (моментов) поиска объективной истины по юридическому делу. Элементы юридического познания указывают на внутреннюю структуру этой деятельности, складываются из той или иной суммы процедурных действий и правоотношений. Они едины для всех категорий дел, а в отдельных стадиях юридического процесса могут быть специфичны лишь своей ролью и сочетанием [34, с. 9-10; 5, с. 197].

Юридическое познание состоит из познания фактов бытия и юридической материи. Причём познание юридической материи (в частности, юридическое образование) позволяет познавать факты бытия, которое, в свою очередь, является предпосылкой надлежащего применения юридических знаний (права).

Юридическую деятельность можно условно разбить на следующие этапы: установление фактических обстоятельств дела с точки зрения их юридической значимости; выбор соответствующей правовой нормы, согласно которой должны быть квалифицированы эти обстоятельства; уяснение подлинного смысла правовой нормы – толкование; принятие решения о применении нормы закона или подзаконного акта, а равно иного источника права, в форме правоприменительного акта.

Юридическое познание можно структурировать по элементам, влияющим на формирование знания конкретного субъекта. Первым, или центральным, элементом (ядром) юридического познания выступает сознание, включающее осознание юридического факта и правовой материи. Это наименее верифицируемый элемент юридического познания, поскольку существует идеально и судить о нём можно лишь косвенно, главным образом – через деятельность.

В свою очередь, центральным элементом сознания того лица, занимающегося юридической деятельностью, является правосознание. В теоретическом плане сущность правосознания юристов (юридического правосознания) выражается в особенностях правовой идеологии и правовой психологии, в характерной данной профессии системе правовых знаний, представлений, установок, ценностных ориентации, а также чувств, эмоций, настроений, привычек. Правосознание юриста выступает в качестве посредника между нормой, устанавливающей модель должного или запрещающего поведения, и конкретным актом поведения [4, с. 60-67; 25, с. 240-271; 14, с. 9-11].

Вместе с тем, этот элемент юридического познания может обеспечиваться правовым регулированием, например, при принятии

процессуального решения наделяет субъекта возможностью руководствоваться собственным усмотрением, которое означает мнение или вывод компетентного органа относительно того, как следует разрешить рассматриваемый им юридический вопрос. Любой вывод субъекта относительно обстоятельств дела или варианта его разрешения несёт отпечаток его мировоззрения, жизненного опыта, уровня профессиональной подготовки, других характеристик.

Второй элемент юридического познания (назовём его наружным слоем ядра) – это витальные особенности личности, а также специфика её функционирования как биологического организма. В данном случае правом обеспечивается возможность восприятия субъектом информации (устность, непосредственность), учитываются психологические особенности (личность, интересы). Возможности информационного подхода в юридическом познании могут быть плодотворно использованы лишь при чётком осознании его ограничения спецификой человеческого организма.

Третий элемент юридического познания – это собственно информационный поток, стремящийся через органы чувств проникнуть в сознание. Он характеризует взаимоотношения субъекта с потоком информации, поставляемой ему различными источниками. Правовое регулирование, обеспечивающее стабильность данных связей, носит преимущественно регулятивный характер. Право регулирует данные отношения, стремясь, с учётом приоритетов, с одной стороны, обеспечить выполнение государственных функций, с другой стороны, путём обозначенных материальным и процессуальным законодательством ограничений добиться прохождения к субъекту юридического познания допустимой (достоверной) информации.

Можно рассматривать юридическое познание с точки зрения уровней истинности знания. «В общем плане – пишет С.М. Амосов – можно разграничить *три уровня судебного познания*.

Высокий – когда познаны все обстоятельства дела и информация о них достоверна, им дана правовая оценка – под действие какого материального закона подпадают данные обстоятельства как правоотношения.

Средний – когда познаны все обстоятельства и информация о них достоверна, но правовая оценка их как правоотношений неправильна.

Низкий – когда неправильно, нереально познаны обстоятельства, поэтому они недостоверны, и действие материального закона распространено на них неправильно» [3, с. 67].

Мы предлагаем юридическое познание рассмотреть в плоскости взаимосвязи познанности юридического факта и средств познания (что позволяет увязать цель, средства и результат юридического познания). *Нижний уровень познания* конкретным субъектом составляют знания, полученные из самых разных источников, не предусмотренных процессуальным или материальным законодательством. Относящиеся к

делу знания могут быть получены непроцессуальным путём, из непроцессуальных источников, запечатлены в непроцессуальной форме в виде так называемой ориентирующей информации (сообщений из прессы, от отдельных граждан, общественности и т.д.). Этот уровень мы бы обозначили как обыденное знание.

Второй уровень юридического познания составляет, если можно так выразиться, непроцессуальная юридическая информация (юридическая, поскольку способы и средства познания предусмотрены законодательством, но не процессуальным, в буквальном смысле этого слова), к которой мы относим сведения, полученные в результате оперативно-розыскной и частной детективной деятельности. Эта познавательная деятельность, предшествуя доказыванию или протекая параллельно с ним, играет вспомогательную, обеспечивающую роль.

Из этого следует, что юридическое познание может быть процессуальным и непроцессуальным. Юридическое познание не исчерпывается процессуальным познанием, не может быть полностью и во всем урегулировано нормами процессуального законодательства.

К третьему уровню юридического познания мы относим сведения, полученные исключительно в рамках процессуального и материального законодательства. Данный пласт знаний есть собственно процессуальное познание конкретного субъекта. «Фильтром», разграничивающим, а точнее препятствующим проникновению информации на третий уровень познания, служат правила допустимости доказательств, которые и определяют объём сведений, на основании которых компетентный орган делает вывод о юридически значимом факте. При определённых условиях и свойство относимости может быть таким препятствием [2].

Следует отметить, что все три уровня знаний могут как бы «сосуществовать» в сознании одного и того же субъекта, однако степень их соответствия как между собой, так и объективной истине может существенно отличаться, а при определённых условиях и абсолютно не совпадать.

В реально происходящем познавательном акте по конкретному юридическому делу субъект оперирует *сведениями о фактах объективной действительности*, облечёнными в необходимую процессуальную форму. При этом сведения (информация) могут быть известны субъекту раньше, чем они станут содержанием соответствующего доказательства, т.е. раньше, чем они будут получены и закреплены в порядке, установленном законом. Сведения (информация) будут налицо, а доказательства ещё не будет. Если же данные сведения будут облечены в процессуальную форму, то появятся доказательства, на основе которых участник юридического процесса сможет сделать вывод о существовании каких-либо фактов. В этом случае процесс познания фактов объективной действительности будет происходить по схеме: *получение сведений (информации) – трансформация сведений в доказательство – выводы о факте* [15, с. 16-17].

Если же эти сведения по каким-либо причинам не будут сформированы в доказательство, или на каком-то этапе доказательства будут признаны недопустимыми, компетентный орган не сможет их использовать в качестве основы для принятия решения. В то же время в его сознании эти сведения останутся, и при принятии решения от них предстоит в определённой мере абстрагироваться, что довольно сложно с точки зрения психологии [29].

Четвёртым уровнем юридического познания являются так называемые «всеобщие» знания о юридическом факте, установленные в ходе юридического процесса юрисдикционным (компетентным) органом, на основании которых принято решение, вступившее в законную силу. Как справедливо замечено А.И. Трусовым, «в обществе неуверенность индивидуального познания преодолевается общественным, коллективным познанием» [33, с. 33]. Данный уровень познания и является собственно юридической истиной, которая может не совпадать как с объективной истиной, так и с выводами (знанием) иных (кроме юрисдикционного) субъектов.

Говоря об установленности юридического факта, мы подчёркиваем то, что речь идёт, прежде всего, о юридическом познании. При этом можно наблюдать, казалось бы, парадоксальное обстоятельство: чем выше мы поднимаемся к вершинам пирамиды юридического познания, тем можем дальше отдаляться от объективной истины.

Следующий этап юридического познания – это установление юридической основы дела (выбор и анализ надлежащей правовой нормы с позиции её законности, действия во времени и пространстве и др.). В процессе применения права осуществляется и юридическая квалификация, когда установленный образ события реальной действительности (юридический факт) сопоставляется с гипотезой и диспозицией правовой нормы [24, с. 155-157]. Данный этап указанной деятельности требует исследования ряда сложных теоретических и практических вопросов.

Юридическое познание и доказывание для некоторых субъектов можно рассматривать с точки зрения цикличности процесса. В силу целого ряда причин системного характера и специфики спорных правоотношений, рассматриваемых и разрешаемых в юридическом процессе, конкретные механизмы институтов пересмотра решений компетентных органов в отраслевых процессах различны, но имеют схожую многоступенчатую конструкцию, призванную минимизировать вероятность ошибки.

Изложенное преследует цель продемонстрировать сложность архитектуры юридического познания и даже имманентную ей внутреннюю противоречивость.

Исследование природы соответствующих юридических техник и технологий показало, что в правоведении нет научно обоснованных общетеоретических разработок, посвящённых структурированию технологий юридического познания, что означает наличие проблемы. Есть попытки её описания и решения, но одновременно прослеживается

несогласованность и разноречивой по многим аспектам её рассмотрения. Это создаёт, на наш взгляд, определённые трудности методологического плана для чёткого выделения и грамотного изучения его основных типов (видов, подвидов), отдельных компонентов (элементов), свойств, связей и т. д.

Юридическое познание можно рассматривать как сложную систему, состоящую из множества элементов и имеющую определённую структуру, что позволяет говорить о технологическом процессе воспроизводства знаний, нацеленном на определённый правовой результат. С точки зрения исследования правовой онтологии юридического познания представляется принципиальным как выделение элементов социальной реальности, так и так и определение механизма взаимодействия между этими слоями. Анализ взглядов различных учёных (экономистов, политологов, социологов, юристов и т.п.), а также положенные в основу результаты исследований В.Н. Карташова [20, с. 71-74; 21, с. 4-26], привели нас к выводу о том, что основными компонентами технологии юридического познания являются следующие:

а) цель юридического познания – определяет содержание и общую направленность юридического познания, границы его реализации (предмет доказывания), а в практической деятельности от цели зависит выбор субъектом конкретных средств и способов достижения результатов, которые задаются законом [9, с. 40-49].

б) субъекты – компетентные должностные лица (органы) и участники, которых представляют конкретные люди, (не) обладающие соответствующими правовой идеологии и правовой психологии, характерными данной профессии правовыми знаниями, представлениями, установками, ценностной ориентацией, а также умениями, навыками, мастерством, профессиональным опытом, чувствами, эмоциями, настроениями, привычками, интуицией и т. д.;

в) объекты и предметы – общественные отношения, конкретные социально-правовые ситуации, отдельные их фрагменты, события объективной реальности, юридические предписания и акты-документы, действия (бездействие) субъектов и участников юридического познания, их права и обязанности, потребности и блага, средства и способы их удовлетворения, другие позитивные и негативные факторы, имеющие юридическое значение для заинтересованных лиц и компетентных органов;

г) активные интеллектуальные и внешне актуализированные действия (операции) субъектов и участников юридического познания, связанные с разрешением конкретного юридического казуса, выработкой и принятием правовых решений, их оформлением и оглашением (обнародованием, опубликованием и т. д.);

д) система общесоциальных, технических и специально-юридических средств (юридическая техника);

е) система приёмов, способов, методов и правил оптимального использования указанных средств (юридическая тактика);

ж) принципы, прогнозы и планы образуют её стратегический компонент (юридическая стратегия);

з) специальные для каждой разновидности юридического познания процессуальные формы (стадии, производства и режимы);

и) результаты («продукты») технологии юридического познания (прежде всего правовые акты);

к) показатели, характеризующие качество технологии юридического познания в целом, его отдельных компонентов (элементов), а также получаемых «продуктов» (решений);

л) критерии и параметры эффективности юридических действий и операций, выносимых решений, ресурсов, видов и методов контроля и надзора за технологическим циклом юридического познания в целом или отдельными его элементами, фазами, этапами;

м) механизмы вступления в юридическую силу (изменения, приостановления, продления, возобновления и т. п.) и отмены юридических действий, решений (актов);

н) ресурсообеспеченность технологии юридического познания в полном его объёме и/или отдельной его части, т. е. оптимальные научные, организационные, временные, материальные, финансовые, трудовые, юридические и иные затраты;

о) соответствующие виды и методы контроля и надзора за законностью и справедливостью, качеством и эффективностью правовых и иных юридических действий (операций) субъектов и участников юридической практики, принимаемых решений и актов, их оформлением и оглашением, соблюдением процессуальной формы и иными компонентами (элементами) технологии юридического познания.

Рассмотренные основные элементы не исчерпывают сложной структуры технологии юридического познания. В ней необходимо выделять и разнообразные связи между отдельными элементами, которые носят генетический (причинно-следственные связи), функциональный (связи взаимодействия со средой, по направлениям деятельности), корреляционный (пространственные и временные связи) или иной характер. Выявление и учёт всех связей разных типов обеспечивает эффективное управление и функционирование системы юридического познания в точном соответствии с его назначением.

На основании изложенного, *технология юридического познания* мы определяем как основанную на соответствующих принципах, планах и прогнозах (стратегия) систему интеллектуальных и внешне актуализированных юридических действий и операций компетентных должностных лиц (органов) и участников (в их взаиморасположении и взаимодействии), связанную с познанием фактов бытия и юридической материи в рамках решения правовых задач, с оптимальным использованием необходимых ресурсов (людских, материальных, финансовых и т.д.), средств (юридическая техника), приёмов, способов, методов и правил (тактика), специфических (судебные и т. п.)

процессуальных форм (стадии, производства, режимы) и конкретных видов контроля и надзора за деятельностью её субъектов и участников, которые обеспечивают её целостность, упорядоченность и устойчивость перед факторами внешней среды и внутренними изменениями.

Данный инновационный подход позволяет глубже и обстоятельнее, с учётом современных достижений отечественной и зарубежной науки, исследовать, в том числе и с точки зрения гармонизации и конвергенции законодательства [32, с. 16-17], технологию юридического познания, определённые его типы, виды и подвиды, отдельные его компоненты (технику, тактику, стратегию, ресурсообеспеченность и т. п.), элементы (технические средства, кадровое обеспечение, методы контроля и т. п.). Предложенная технологическая структура обеспечивает комплексное исследование собственно юридического познания, в жёсткой связке с методологией юридического познания, поскольку, например, ряд элементов техники юридического познания одновременно являются специальными методами юридического познания (процессуальное доказательство, доказывание, очная ставка, опознание и т.д.). Важно это и для практики, поскольку уяснение практическими работниками структурных элементов технологии юридического познания позволит более осознанно относиться к выполняемым ими профессиональным функциям, выявлять недостатки в своей работе и определять пути их устранения.

Список литературы

1. Александров, А.С. Введение в судебную лингвистику: Дис. ... д-ра юрид. наук. 12.00.09 / А.С. Александров. – Н.Новгород, 2002. – 585 с.
2. Александров, А.С. Относимость уголовно-процессуальных доказательств: Монография / А.С. Александров, С.А. Фролов. – Н.Новгород: Нижегородская правовая академия, 2011. – 176 с.
3. Амосов, С.М. Судебное познание в арбитражном процессе. Научное издание / С.М. Амосов. – М.: РАП, 2003.– 184 с.
4. Баранов, П.П. Профессиональное правосознание и поведение работников правоохранительных органов / П.П. Баранов // Личность и власть: Межвузовский сборник научных работ. – Ростов-н/Д.: Изд-во Рост. ВШ МВД РФ, 1995. – С. 60-67.
5. Бишманов, Б.М. Исследование, проводимое экспертом и специалистом / Б.М. Бишманов // «Чёрные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 1. – С. 197-202.
6. Боруленков, Ю.П. Юридическое познание как фундаментальная категория правоведения / Ю.П. Боруленков // Юридический мир. – 2009. – № 12 (156). – С. 52-56;
7. Боруленков, Ю.П. Юридическое познание в процессуальной, оперативно-розыскной и частной детективной деятельности / Ю.П. Боруленков. Владимир: ВГГУ, 2009. – 552 с.
8. Боруленков, Ю.П. О концепте «юридическое познание» / Ю.П. Боруленков // Проблемы в российском законодательстве. – 2012. – № 5. – С. 188-192.
9. Боруленков, Ю.П. Стремление к истине – высший закон правосудия / Ю.П. Боруленков // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2012. – № 4 (5). – С. 40-49.
10. Боруленков, Ю.П. Интерпретация как элемент технологии юридического познания / Ю.П. Боруленков // Пробелы в российском законодательстве. Международный

юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 56-61.

11. Боруленков, Ю.П. Юридический факт как образ обстоятельства реальной действительности / Ю.П. Боруленков // Бизнес в законе. Международный экономико-юридический журнал. – 2013. – № 1. – С. 122-127.

12. Вахтомин, Н.К. Генезис научного знания. Факт, идея, теория. / Н.К. Вахтомин. – М, 1973. – 285 с.

13. Головкин, Р.Б. Правовое и моральное регулирование частной жизни: свойства, стороны, охрана и защита: моногр. / Р.Б. Головкин. – Владимир: изд-во ВГПУ, 2005. – 407 с.

14. Горбатова, М.К. Профессиональное правосознание как элемент правовой культуры общества / М.К. Горбатова, А.В. Домнина // Российская юстиция. – 2010. – № 5. – С. 9-11.

15. Громов, Н.А. Доказательства и доказывание в уголовном процессе / Н.А. Громов, В.А. Пономаренков. – Самара, 1999. – 184 с.

16. Диалектика познания: Компоненты, аспекты, уровни / Под ред. М.С. Козловой. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1983. – 168 с.

17. Жиряев А.С. Теория улик: сочинение, написанное для получения степени доктора юридических наук исправляющим должность ординарного профессора в Императорском Дерптском университете магистром уголовного права А. Жиряевым. – Дерпт, 1855. – 212 с. URL:[http:// books.google.ru/books?id=](http://books.google.ru/books?id=). Дата обращения: 23.03.2013.

18. Иванов, Г.М. Методологические проблемы исторического познания / Г.М. Иванов, А.М. Коршунов, Ю.В. Петров. – М.: «Высшая школа», 1981. – 296 с.

19. Карташов, В.Н. Теория правовой системы общества: учебное пособие: в 2 т. Т. 1 / В.Н. Карташов. – Ярославль: изд-во ЯрГУ, 2005. – Т. 1. – 2005. – 547 с.

20. Карташов, В.Н. Законодательная технология субъектов Российской Федерации / В.Н. Карташов, С.В. Бахвалов. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 368 с.

21. Карташов, В.Н. Техника, тактика и некоторые другие элементы правоприменительной технологии / В.Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории правовой системы общества: сб. науч. тр. / отв. ред. проф. В. Н. Карташов; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2012. – Вып. 11. – 168 с. – С. 4-26.

22. Композиция – важнейший, организующий элемент художественной формы, придающий произведению единство и цельность, соподчиняющий его компоненты друг другу и целому // Энциклопедический словарь. URL:<http://edudic.ru/bes/29149/>. Дата обращения: 28.03.2013.

23. Курылёв, С.В. Основы теории доказывания в советском правосудии / С.В. Курылев. – Минск: Изд-во БГУ, 1969. – 201 с.

24. Литвишко, О.В. К вопросу о функциях механизма применения права / О.В. Литвишко // Научные труды. – Н-34. Выпуск 5. В 3 т. – Том 1. – М., 2005. – С. 155-157.

25. Матузов, Н.И. Теория государства и права: Учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2004. – 512 с.

26. Микешина, Л.А. Философия познания. Проблемы эпистемологии гуманитарного знания / Л.А. Микешина. – Изд. 2-е, дополн. – М. Канон+РООИ «Реабилитация», 2009. – 560 с.

27. Основы философии науки / Под ред. проф. С.А. Лебедева: Учебное пособие для вузов. – М.: Академический Проект, 2005. – 544 с.

28. Павлушина, А.А. Теория юридического процесса: итоги, проблемы, перспективы развития / А.А. Павлушина; под ред. В.М. Ведяхина. – Самара: Изд-во Самарской Государственной экономической академии, 2005. – 478 с.

29. Панасюк, А.Ю. Судебная психология: Избранные лекции / А.Ю. Панасюк. – М.: Норма, 2007. – 159 с.

30. Першин, М.В. Частноправовой интерес: понятие, правообразование, реализация: Автореф. дис ... канд. юрид. наук / М.В. Першин. 12.00.01 – Н.Новгород, 2004. – 24 с.
31. Поляков, М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: Автореф. дис... д-ра юрид. наук / М.П. Поляков. 12.00.09 – Н.Новгород, 2002.
32. Третьякова, О.Д. Юридическая конвергенция: теория, технология, практика: монография / О.Д. Третьякова; под ред. Р.Б. Головкина. – М.: Центр соврем. образоват. технологий, 2011. – 344 с.
33. Трусков, А.И. Судебное доказывание в свете идей кибернетики / А.И. Трусков // Вопросы кибернетики и право. – М.: Наука, 1967. – С. 20-35.
34. Фаткуллин, Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания / Ф.Н. Фаткуллин, – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1976. – 206 с.
35. Чудинов, Э.М. Природа научной истины / Э.М. Чудинов. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 312 с.

Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником.
Материал не содержит сведений ограниченного распространения.